

Дунай (15)

Во стольнѣм во городе во Кieve
Да у князя у Владимира был почесен пир.
Ищо все на пиру да ле напивалисе,
Ищо все на чеснѣм да наедалисе,
Ищо все на пиру да пъяны-веселы.
И стали на пиру да розговаривать:
Как боѣгой-от хвастѣт да золотой казнѣй,
А серѣднѣй-от хвастѣт да роднѣй сестрой,
А глупой-от хвастѣт да молодой жоной.
Князь Владимир по горенке похаживѣт,
Он белыма рукама сам розмахивѣт,
Золотыма перснями принащолкивѣт:
«Ещо што у нас в главном городе Кieve все споженены,
И девушки все взамуж повыданы —
И один я, князь Владимир, только холѣст хожу,
Холѣст я хожу, да ле не жонат служу!
Вы не знаите ли где да супротѣвницы,
Супротѣвницы— да ле мне да молодой жоны:
Ищо рѣстом была да ле выѣсока,
И русѣ бы косѣ была — до пѣяса,
У ей ѣгодицы были — да как мѣковицы,
У ей цѣрны глаза — да как у сокола,
У ей цѣрны брови — как у соболя?»
Ищѣ тут все за столом да приуныли:
Старший-от кроетця за среднего,
А средний хоронитця за мѣньшого.
Из того из стола из-за заднего
Выставаѣт Добрынюшка на резвы ногѣ:
«Ну позволъ-ко, князь Владимир, да слово мѣлвити!
И не бить меня зѣ слово, не вѣсити,
Не сыслать меня в сылки да ле дальния,
Не садить меня во темны пѣгрѣбы!» —
«Говори, говори, да цѣгѣ знашь, говори —
Не скажу тебе ни одного слова сѣупротѣв!» —
«У тя есь во подпогрѣбе посадницец;

Он сидит не много, не мало — тридцать лет.
Он, бывало, жил-ходил по иным странам,
И был он, жил у короля литовского,
И во том в царьстве во проклятом же.
Ищо было у его две доцери хорошия.
Одна — Настасья-королевичня,
И така паленица приудалая!
(На войне всё, вишь, стрелят!)
А другая — Опракся да королевичня:
И можно будет тебе назвать царицею,
И королю назвать да королицею.
А белым она белá да ле ростом высока,
А косá у ей русá тут — до пбеса,
И ещо ягодицы у ей — как макавицы,
Ясны глаза — как у сокола,
Цёрны брови — как у соболя!»
И тут богатырьско сердце да розгорелосе,
И горяция кровь да розгорелосе:
«Вы подите-ко, слуги, скоро-наскоро,
Отмыкайте вы погреб круто-накруто,
Вы берите Дунаюшко за белы руки
И ведите Дунаюшко пред моих оцёй!»
И побежали тут слуги скóро-наскоро,
Отворяли погреб круто-накруто:
«Выходи-тко, Дунаюшко, на Светую Русь,
Ищо к нашему князю да ко Владимёру:
И зовёт он тебя на почесён пир!»
И выходит Дунай да ле вон из погреба;
И берут Дуная за белы руки,
И привели они Дунаюшку на почесен пир.
«Перво место тебе — да во большóй угол,
А второ те место — середь лáвицы!» —
«Никúда я не седу — седу к брату крестовому,
К своему Добрынюшки Микитицу!»
И наливают ему цяру да зеленá вина:
Не малу, не велику — полтора ведра!
«А всем была служба явлена —
А на тебя, Дунай, да опрокинута!»
(Это невесту искать.)

Отвечаёт Дунаюшко ему тут-тут:
«Я сидел во погребе тридцетъ лет,
Бываѣт, я забыл всё, призапаметовал». —
«Ну, бери ты силы себе, сколько тебе надобно!
Выбирай коней быдто лучше всех!» —
«Мне не нать твоя сила сильняя —
Я возьму только брата крестового!»
И пошли на конюшнй двор — коней выбрали,
Оседлали они да поехали.
Приеждяют ко Царьсву ко Литовьскому,
Вяжут коня за стену да городовую.
Добрынюшка осталса здесь за воротами,
А Дунаюшко отправилса прямо к царю,
Отправилса к ему на широкой двор.
И тут стоят да приворотники,
У дверей стоят да ле придверники.
Он идѣт — у них ницего не спрашиваѣт,
И заходит к царю, — он и сам налицѣ:
«Уж ты здраствуй, король да литовьской!» —
«Уж ты здраствуй, Дунай ле сын Ивановиць!» —
«Я хожу к тебе о добром деле — о сватовсьве
На твоей же на доцери королевицне,
Как по имени Опраксеи-королевицне». —
«Кабы ты у меня, Дунаюшко, не служивал,
Не сидел бы у меня в лавке за товарами —
Уж я сек бы у тебя да буйну голову!
(Там своих солдатов кликнул.)
Берите вы за белы руки,
Вы ведите Дунаюшку вон из дверей!»
Подхватили Дунаюшку за белы руки,
Потащили ёго да вон из свѣтлицы.
Он рукой трёхнул — всех убил!
И заходит он к королю второй накѣн:
«Уж ты добром мне не отдашь — возьму силою!»
Отпираѣт он у ей двери железныя,
Отмыкает у ей вторы двери —
(Она за вторыми дверями там у его сидит.)
И тут Опраксея да испугаласе,
И под лавоцку она да пихаласи.

«Ну, срежайся, Опраксея да королевичня,
Ты за нашего князя да за Владимира во замужество!»
Она и говорит:
«Кабы была у меня да родна́ сестра́,
Как Настасья да королевичня
(И она у нас палениця да приудалая!) —
Не запусти́ла она вас да в наш горóд!» —
«Ну, срежайсе, и только розговору нет!»
И воткнул он свою саблю вострую,
Воткнул саблю свою во кирпичню печь.
(Вот тебе, если не поедешь!)
И средилась Опраксея-королевичня.
«И пусти меня к батюшку благословитесе,
Благословитесе, с им проститесе!»
Не спустил тут Дунай её с глаз бóльше —
Повёл её да по широку́ двору́,
И повёл её по ихнему граду.
Выводит он ей из широка́ двора́,
И садит он ей к брату крестовому:
«Поеждяй-ко ты премы́м путём,
И премы́м путём — прямо 'князю Владимиру!
А я поеду дорогой окольнима
И буду искать Настасью-королевичню!»
И ездил, да ездил — да съехались.
И стал он тут с ей всё равно как воевать.
И пала Настасьюшка на сыру́ землю́,
И розбóрвал латы железныя,
И усмотрел он у ей пельки женския —
И то́гда они с ей да побра́тались.
И поехали дале с ей во стольний град,
И приехали оны к князю Владимиру,
И приехали оны к ему да на почесен пир.
И вси на пиру да хвастались,
И вси на пиру да прихвастались;
И тут Настасьюшка слово да мо́лвила:
«Ваши-ти русские — биться только па́лицами,
А меня горозни стрелёти нет!»
И тут Дунаюшку слово не пондравилось:
«Выходи ты, Настасьюшка, из стола выходи!

(Я забыла нонь, не клейко выходит.)

Мы поедем с тобой во чистó полё!»

И тут она стала слéзно плакати,

Ищо стала его да уговаривати.

Тут цярская кровь да розгореласе,

У Дунаюшка сердце да раскипелосе.

(Он ее зовёт стрелятьсе.)

«Не поедём, Дунай да сын Ивановиць:

Ты застрелишь меня — у меня

В нутроби два младеня зародилися.

Они ведь уже сообщилисе!..»

Нунь не верит Дунай сын Ивановиць.

«И садись ты, Настасьюшка, на добра коня!»

И сели оне тут и поехали.

Ищо выехали да во чистó полё

И стали друг дружку стрелятися.

В первой раз стрелíл — не дóстрелил,

Второй раз — не дóстрелил,

Третий раз-от стрелíл — зáстрелил.

Тупым-то концём — да во сырú землю,

А вострым-то копьём — в ретивó сердце:

«Протекай от меня да как Дунай река,

А от моей жены вырастай кипарисно дерево!»

(Зап. А. М. Астаховой 10 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на

— от Лыбашевой Прасковьи Степановны, 77 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:

Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.